

Катенинъ и Пушкинъ.

I.

Въ группѣ поэтовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Пушкинской плеяды, скромный уголокъ занимаетъ имя Павла Александровича Катенина, того самаго Катенина, котораго въ настоящее время знаютъ обыкновенно лишь по двумъ-тремъ мѣстамъ изъ стихотвореній Пушкина, да по страничкѣ изъ Анненковской біографіи. Какъ поэтъ, Катенинъ, пожалуй, и не заслуживаетъ болѣе прочной памяти, но онъ живо говоритъ о Пушкинской эпохѣ какъ критикъ, какъ личность и, особенно, какъ другъ Пушкина, оставившій на немъ свой не слишкомъ, быть можетъ, глубокой, но несомнѣнный и оригинальный слѣдъ.

Личность Катенина уже нашла себѣ біографа: статья г. Пѣтухова ¹⁾ передаетъ основныя данныя жизни поэта, его отношенія къ выдающимся лицамъ эпохи, излагаетъ, наконецъ, его литературныя убѣжденія. Настоящая замѣтка, стараясь избѣгнуть, по возможности, повтореній, ставитъ себѣ задачей—дополнить его біографію нѣсколькими чертами, оставленными біографомъ безъ вниманія и, въ частности, нѣсколько подробнѣе остановиться на выясненіи вліянія Катенина на Пушкина.

Прежде всего, это былъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени. Мы не знаемъ, при какихъ условіяхъ протекало его дѣтство и воспитаніе, но, повидимому, чье-то постороннее вліяніе уже въ раннемъ возрастѣ пробудило въ немъ «охоту ко стихамъ». ²⁾

---

¹⁾ Историч. Вѣстникъ 1888, № 9.

²⁾ Цвѣтникъ 1810 г., № 1, стр. 69.

Писать и печататься онъ сталъ рано — съ 17 лѣтъ; еще раньше — 14-ти лѣтъ, поступилъ на службу въ Мин. Нар. Просвѣщенія, откуда въ началѣ 1811 года перешелъ въ Преображенскій полкъ портупей-прапорщикомъ. Служба и свѣтскій образъ жизни гвардейскаго офицера не помѣшали ему, однако, усленно продолжать работать надъ своимъ образованіемъ.

Заграничный походъ 1814—15 гг. даетъ новый толчокъ его развитію. Парижъ раскрываетъ передъ нимъ свои музеи, галереи и театры. Катенинъ становится записнымъ театраломъ, не переноса, однако, своего увлеченія безразлично и на драму, и на оперу, и на балетъ, какъ это бывало большею частью въ то время, а придерживаясь строгаго классическаго репертуара французской трагедіи и античной поэзіи; эти симпатіи не покинули его и до послѣднихъ дней. Уже въ зрѣлыхъ годахъ, послѣ двухъ безуспѣшныхъ попытокъ, овладѣлъ онъ греческимъ языкомъ и всегда жалѣлъ въ послѣдствіи, что слишкомъ раннее поступленіе на службу помѣшало ему познакомиться съ языкомъ Гомера еще въ молодости, когда всякое ученье дается легче. Тѣмъ не менѣе въ тридцатыхъ годахъ онъ былъ уже въ состояніи переводить Гомера и идилліи Феокрита. Припомнимъ, что въ то время только немногіе умы признавали цивилизующее значеніе античной поэзіи: И. М. Муравьевъ—Апостоль, Уваровъ, Гнѣдичъ, Оленинъ, Кошанскій, Каченовскій. За ними шли Батюшковъ, и Жуковский, не знавшіе, однако, древнихъ языковъ. Грибоѣдовъ въ 1817 году писалъ Катенину: «Сейчасъ ѣду со двора... учиться по-гречески. Я отъ этого языка съ ума схожу». Даже Крыловъ нашелъ въ себѣ достаточно охоты одолѣть его въ одинъ годъ. Что же касается общества, то въ немъ древніе языки могли быть терпимы, но и только. Въ то время трудно было замѣтить, что это знакомство съ классической поэзіей лучше всякаго другаго орудія подорветъ авторитетъ псевдоклассической теоріи и создастъ почву для торжества реализма.

Съ другими языками—французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ—Катенинъ былъ знакомъ въ совершенствѣ; англійскій, испанскій и латинскій зналъ настолько, что могъ на нихъ свободно читать. И онъ воспользовался широко этой привилегіей: всѣ выдающіеся памятники западно-европейской литературы были ему знакомы. Его феноменальная память усвоивала все слышанное и, говоритъ совре-

менниѣ, «въ данную минуту могла привести множество цитатъ почти слово въ слово». Нѣсколько позднѣе начитанность его обнижала уже всѣ «предметы, подлежащіе книгопечатанію: поэзію, исторію, беллетристику, философію, богословіе, точныя науки, естествознаніе»¹⁾, такъ что при историческихъ или литературныхъ спорахъ его всегда выбирали посредникомъ, и судъ его принимался безпрекословно²⁾. Краснорѣчіе его било ключомъ. «Онъ могъ вести диспуты съ кѣмъ и о чемъ угодно, и своею неотразимою діалектикой сбить съ толку, обезоружить своего противника и доказать все, что бы ему ни захотѣлось доказать. Декламировать, рассказывать увлекательно, острить, спорить, опровергать, доказывать—вотъ сфера, въ которой онъ не имѣлъ соперниковъ»³⁾.

Осчастливленный такимъ и блестящими дарами природы, быстро подвигаясь по службѣ, молодой поэтъ вѣрилъ въ свою звѣзду, вѣрилъ въ себя выше мѣры. Вигель говоритъ о немъ: «Видалъ я людей, самолюбивыхъ до безумія, но подобныхъ ему не встрѣчалъ. У него было самое странное авторское самолюбие: мнѣ случилось отъ него самого слышать, что онъ охотнѣе проститъ такому человѣку, который назоветъ его мерзавцемъ, плутомъ, нежели тому, который хотя бы по заочности назвалъ его плохимъ писателемъ»⁴⁾. Къ показаніямъ Вигеля, правда, надо относиться съ осторожностью, но въ данномъ случаѣ они сходятся съ свидѣтельствами другихъ лицъ. «Несносно твое самолюбие»—пишетъ въ своемъ дневникѣ о Катенинѣ благоволившій къ нему Кюхельбекеръ⁵⁾. Пушкинъ отзывался о Катенинѣ въ письмѣ къ Вяземскому: «въ немъ та же авторская спесь, какъ и въ прославленномъ вѣгѣ философіи»⁶⁾.

На самомъ дѣлѣ Катенинъ былъ едва ли «надменнымъ, сварливымъ и грубымъ»; онъ былъ болѣзненно самолюбивъ, пожалуй—

1) Макаровъ, Мои 70-ти-лѣтнія воспоминанія. Ч. I, стр. 27. Этотъ восторженный отзывъ повторяется и въ другихъ свидѣтельствахъ: Зотова и Андреева.

2) Андреевъ: Воспоминаніе о П. А. Катенинѣ. „Сѣверная Пчела“, 1853 г. № 192.

3) Макаровъ, *ibid.*

4) Записки Вигеля, изд. 1892 г., ч. III, стр. 148.

5) Рус. Старина, 1884, XXI, 78 стр.

6) Другіе отзывы, ср. Плетнева: „Павелъ Катенинъ не принадлежалъ обществу; онъ задорный человѣкъ, надменный хвастуна.. сварливъ, грубъ“. (1844 г.). Переписка Грота съ Плетневымъ, т. II, стр. 376. — Льва Пушкина въ соч. Вяземскаго, т. VIII, 148 стр.—Грибоѣдова въ изд. Введенскаго, 316 стр.

задорень, и этого то и не могли простить ему современники. Для насъ, однако, ясно, что въ душѣ Катенинъ имѣлъ основаніе считать себя выше многихъ изъ окружавшихъ его лицъ, а характеръ литературной полемики, процвѣтавшей въ то время, давалъ пищу и просторъ такому убѣжденію. При отсутствіи социальныхъ интересовъ, связующимъ звеномъ кружковъ (до 30-хъ годовъ) была литература или же театр. Къ нимъ не предъявлялось никакихъ требованій общественнаго значенія, но тѣмъ сильнѣе должна была быть эстетическая оцѣнка. Различіе приемовъ и формъ творчества служило уже достаточнымъ основаніемъ для узкой, односторонней партійности, получало значеніе цѣлыхъ системъ, раздражалось эпиграммами и литературной травлей.

Въ этой травлѣ Катенинъ участія не принималъ. «Всякое твореніе искусства» — говорилъ онъ — «должно само за себя отвѣчать». Онъ слишкомъ высоко ставилъ для этого литературное слово и выступалъ съ нимъ въ полемикѣ только тогда, когда затрогивался общій, принципиальный вопросъ. Нелюбовь къ печатнымъ словопреніямъ развивалась въ немъ съ годами до того, что, посылая друзьямъ изъ деревни свои произведенія для печати, онъ иногда умолялъ ихъ не выдавать его имени. Но отъ словеснаго спора — съ глазу на глазъ — онъ никогда не отказывался, и говорятъ, будто онъ постоянно ругалъ писателей: «ни одному изъ нихъ не было отъ него пощады».

Это былъ типичный *esprit fort*, изъ числа тѣхъ, которые въ большомъ числѣ появились на Руси послѣ заграничнаго похода, принеся оттуда «вольнлюбивыя мечты, духъ пылкій и довольно странный». Эти *esprits forts*, идя вслѣдъ за временемъ, будутъ постепенно измѣняться въ Онѣгинскихъ, Чацкихъ, Станкевичей, Бѣлинскихъ, Рудинныхъ. Вольнлюбивыя мечты, занесенныя съ запада, не имѣли серьезнаго политическаго характера. Когда, съ усиленіемъ аракеевскихъ принциповъ, стало опасно выражать свои мысли вслухъ, только немногіе рѣшились продолжать начатое дѣло и замыкаться въ тайные кружки; громадное же большинство отказалось отъ всякихъ идеалистическихъ мечтаній, но не хотѣло отказать себѣ въ привилегіи, которой еще вчера безпрепятственно пользовалось, — привилегіи играть въ легкую оппозицію правительству. Началъ становиться модой либерализмъ разныхъ степеней и оттѣнковъ — отъ репетиловскаго «шумимъ!» до одъ на «вольность».

Мы не имѣемъ документальныхъ данныхъ, чтобы утверждать, былъ ли Катенинъ въ числѣ первыхъ или вторыхъ. Съ одной стороны есть указанія, что онъ «со всѣми декабристами друженъ былъ» ¹⁾, но перессорился передъ самымъ 14 декабря, и что его впоследствии призывали въ засѣданіе Слѣдственной комиссіи; съ другой стороны кажется едва ли вѣроятнымъ, чтобы, при такихъ условіяхъ, Катенинъ былъ возвращенъ изъ ссылки въ то время, когда до правительства стали все настойчивѣе доходить вѣсти о тайныхъ обществахъ. Да и самъ онъ 6 сент. 1826 года писалъ Колосовой изъ Петербурга: «Мой гость Зыковъ уѣхалъ, наконецъ; наступила минута, когда мнѣ пришлось бы имѣть изъ-за него непріятности... Все это, по правдѣ сказать, очень скучно, непріятно, *безмысленно*» ²⁾.

Принимая во вниманіе общія традиціи и духъ Преображенскаго полка, симпатіи Имп. Александра и Николая къ нему (между прочимъ и къ Катенину), только что перенесенную имъ ссылку и переписку за это время, гдѣ нѣтъ никакихъ вопросовъ, даже намековъ на политику, кругъ его друзей ³⁾, исключительную его преданность театральнымъ интересамъ,—можно сказать, что Катенинъ никогда не былъ приверженцемъ какихъ-нибудь крайнихъ политическихъ мнѣній; напротивъ того, въ его стихотвореніяхъ нельзя найти никакого отраженія текущихъ общественныхъ событій, какъ и вообще личныхъ настроеній. Если ужъ доискиваться въ немъ его политической вѣры, то онъ окажется скорѣе всего застрѣльщикомъ будущаго славянофильства. Какъ бы то ни было, но въ легкомъ вольнодумствѣ, неподчиненіи укоренившимся обычаямъ, эксцентрическихъ выходкахъ Катенинъ былъ, повидимому, однимъ изъ первыхъ. Позднѣе, вспоминая о Чаадаевѣ, современникъ говорилъ: «Чаадаевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей Александровскаго времени, которые умѣли казаться выше, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ».

---

¹⁾ Писемскій, „Люди сороковыхъ годовъ“, ч. II, гл. 9, стр. 272. Въ лицѣ Александра Ивановича Коптина Писемскій оставилъ характеристику Катенина. Это доказывается какъ ихъ близкимъ личнымъ знакомствомъ, такъ и соблюденіемъ въ романѣ малѣйшихъ біографическихъ деталей, подтвержденіе которыхъ можно найти въ вышеупомянутой книгѣ Макарова.

²⁾ Русск. Старина, 1893, № 4, стр. 212. Зыковъ, гвардейскій офицеръ, имѣлъ связи съ декабристами и призывался въ Слѣдственную комиссію.

³⁾ Грибоѣдову приписываютъ слѣдующій отзывъ о декабристахъ: „Сто чело-
вѣкъ прапорщиковъ хотятъ измѣнить государственный бытъ Россіи“.

всю свою жизнь ходили на ходулях и для многих оставался загадкою; это было какое-то шарлатанство особаго рода и оно было въ то время въ большой модѣ. Катенинъ и Грибоѣдовъ употребляли его съ большимъ успѣхомъ»¹⁾.

Правительство, повидимому, не смотрѣло такъ снисходительно на это «шарлатанство особаго рода», потому что уже въ 1820 году Катенинъ, молодой, 28-лѣтній полковникъ, подалъ въ отставку «по домашнимъ обстоятельствамъ»,²⁾ а въ 1822 г. петербургскій ген. губернаторъ гр. Милорадовичъ, «предубѣжденный.. не въ пользу Катенина, чему были причиной многія самонадѣянныя и неприличныя выходки послѣдняго»,³⁾ упрекалъ его за его «вольный духъ. Катенинъ не стѣснялся въ своихъ рѣзкихъ рѣчахъ насчетъ губернаторской власти, что, вѣроятно, не могло не дойти до графа.»⁴⁾ Какъ бы то ни было, за одно высказанное вслухъ мнѣніе объ артистѣ, хотя бы и въ присутствіи Великой Княгини (Александры Ѳеодоровны), полковникъ, фаворитъ государя, не былъ бы высланъ изъ столицъ. Какъ и во многихъ случаяхъ жизни, Катенинъ могъ и въ ту пору съ полнымъ правомъ примѣнить къ себѣ поговорку: «Языкъ мой—врагъ мой».

Это былъ характеръ сангвиническій, огневой. Вигель сравнивалъ его съ кофейникомъ, кипящимъ на комфоркѣ. Въ собраніяхъ и бесѣдахъ Катенинъ «завладѣвалъ рѣчью, чаще всего говорилъ софизмами, вовсе не замѣчая, что сегодня опровергалъ то, что защищалъ вчера». И съ другой стороны, на ряду съ этой способностью увлеченія, Катенинъ былъ богатъ силой трезваго анализа, спокойной, самостоятельной работы мысли. Если, какъ передаютъ современники, онъ всегда ругалъ писателей, то это было не самомнѣніемъ и не одной только потребностью характера,—это было убѣжденнымъ отрицаніемъ во имя твердыхъ основаній собственной поэтической вѣры. Мысль этого прирожденнаго протестанта въ спокойную минуту всегда была насто-

¹⁾ Библиограф. Записки Аванасьева, т. III, стр. 6.

²⁾ 14 или 17 сентября. См. Исторію преображен. полка. Ср. у Писемскаго: „пѣсню онъ, говорятъ, какую-то сочинилъ, съ припѣвомъ такимъ“. Люди 40-хъ годовъ, ч. 2, стр. 272.

³⁾ Араповъ, Лѣтопись рус. театра. Спб. 1861 г. стр. 328—329.

⁴⁾ Записки Каратыгина, стр. 88—94.

рожѣ, всегда царила подѣ чувствомъ и воображеніемъ. Но зайдетъ споръ, задѣта струнка, и въ пылу увлеченія онъ забудетъ все. Славянская кровь Катениныхъ до послѣднихъ дней боролась въ немъ съ южной кровью Пурпуры. ¹⁾ Недаромъ на одного изъ опытныхъ фізіономистовъ онъ произвелъ впечатлѣніе «съ одной стороны умнаго, ловкаго, свѣтскаго маркиза, а съ другой азіатскаго князька.» ²⁾

II.

Такова личность Катенина. Труднѣе опредѣлить его литературныя убѣжденія, потому что эпоха 20-хъ годовъ, литературная по преимуществу, окутана, словно туманомъ, знаменитымъ споромъ классиковъ и романтиковъ, и въ этомъ туманѣ контуры литературныхъ дѣятелей становятся неясными.

Въ страшной сумятицѣ понятій, породившихъ этотъ споръ, видѣются, какъ намъ кажется, два довольно существенныхъ вопроса. Первый изъ нихъ вопросъ о дарованіи и искусствѣ въ условіяхъ поэтическаго творчества. Катенинъ, отдавая должное природному таланту писателя, находилъ, что «безъ размышленія и труда ни съ какимъ природнымъ даромъ до истинно отмѣннаго нельзя достигнуть». ³⁾ Съ этимъ былъ согласенъ, конечно, и Пушкинъ, но Катенинъ шелъ дальше: онъ прямо упрекалъ Грибоѣдова за то, что въ «Горѣ отъ ума» дарованія болѣе, нежели искусства ⁴⁾, на что Грибоѣдовъ отвѣчалъ: «Въ комъ болѣе способности удовлетворять школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ,—нежели собственной творческой силы, тотъ... перо свое брось за окошко... Я какъ живу, такъ и пишу: свободно и свободно».—Позднѣйшая критика 30-хъ годовъ высказала о Катенинѣ глубоко-вѣрное замѣчаніе: «Онъ постигалъ изящное умомъ, а не дарованіемъ... Творенія словесности почитаютъ у насъ какимъ-то дѣломъ ума, размышленія, отчетливости, и не хотятъ видѣть, что это... дѣло художника, одареннаго силой созданія.» ⁵⁾

¹⁾ Дѣвичья фамилія матери Катенина, гречанки по рожденію.

²⁾ Писемскій, „Люди сороковыхъ годовъ“, ч. II, гл. 9, стр. 275.

³⁾ „Размышленія и разборы“: Литературн. Газета 1830 г. № 44, стр. 64.

⁴⁾ Соч. Грибоѣдова изд. Введенскаго, стр. 317. Что въ этихъ словахъ Катенина заключался упрекъ, ясно изъ отвѣтнаго возраженія Грибоѣдова: „Самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать“.

⁵⁾ Московскій Телеграфъ, 1833 г. іюнь, стр. 604.

Другой вопросъ, замѣшанный въ борьбѣ романтиковъ съ классиками, касается выбора предметовъ для поэтическихъ произведеній. Говоря о народности и о вѣрности изображаемыхъ лицъ и событій дѣйствительности, Катенинъ соглашался, что у Расина «часто лица, вопреки именамъ своимъ, сбиваются на французскихъ придворныхъ Людовика XIV»; но находилъ, что эта «примѣсь Версальскаго быта, если чопорнаго, по крайней мѣрѣ, пристойнаго и благороднаго», все же выше и умѣстнѣе «забѣякъ Лондонскаго гостинаго двора съ ихъ шутками и прибаутками, полупедантическихъ и полуфанатическихъ студентовъ іенскихъ и гёттингенскихъ». ¹⁾

Въ трагедіи, въ этомъ «благороднѣйшемъ изъ родовъ драматическихъ, потребны, сверхъ вѣрности и живости изображенія, еще *высокость и красота самаго предмета*». Вторженіе комическаго элемента въ трагедію, описаніе пошлыхъ и темныхъ сторонъ жизни на ряду съ благородными не можетъ быть терпимо: «въ содержаніи истинно-трагическомъ кому и надъ чѣмъ забавляться?» Если въ дѣйствительности «часто смѣхъ и горе въ одно время бываютъ», то въдѣ «искусство не обязано списывать съ природы цѣликомъ; оно въ правѣ откидывать *лишнее* и должно удовлетворять жаркое чувство изящнаго, а не холодныя излѣдованія любопытства». ²⁾

Къ роду низшему сравнительно съ трагедіей,—къ драмамъ, комедіямъ, различнымъ веселымъ поэмамъ, сказкамъ, посланіямъ и пр. Катенинъ прибѣгалъ довольно часто, но значенія такимъ трудамъ не придавалъ. Особенную антипатію питалъ онъ къ, такъ называемой, мѣщанской драмѣ и къ творцамъ ея Лессингу и Дидро. «Съ какою увѣренностью въ себѣ,—воскликаетъ онъ—съ какимъ пренебреженіемъ ко всему, что было до нихъ, ..они излагаютъ свою ошибочную теорію... Теорія ихъ, драмы ихъ, слава ихъ, все это давно приказало кланяться»... «Это родъ низшій выборомъ предметовъ: прибавляетъ онъ тутъ же;—сей родъ по естеству уже слишкомъ клонится къ прозѣ; его не худо разговоромъ нѣсколько поэтическимъ *поднять отъ земли*» ³⁾.

Если къ сказанному прибавить, что Катенинъ всецѣло держался теоріи единства и раздѣленія слога на стѣпени, то главныя положенія

¹⁾ Лит. Газ., стр. 283.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid.

его литературныхъ убѣжденій исчерпаны. Нужно отдать ему справедливость, что онъ внимательно читалъ Шлегелей (онъ вообще серьезно и вдумчиво относился ко всякому чужому мнѣнію) и одинъ изъ немногихъ въ то время на Руси склоненъ былъ понимать романтизмъ, какъ поэтическое направленіе, заимствующее свое содержаніе изъ «быта среднихъ вѣковъ Западной Европы, его нравовъ, обычаевъ, повѣрій и преданій» ¹⁾. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, онъ отрицалъ возможность существованія русскаго романтизма, такъ какъ Россія искони не имѣла ничего общаго съ Европой Западной; первыя свои познанія, художества и науки получила она вмѣстѣ съ вѣрою православною отъ Царьграда». Шлегелемъ руководило «одностороннее пристрастіе къ тому, что онъ исключительно называетъ христіанствомъ, т. е. къ католицизму... Любопытно знать, почему наши такъ прилѣпились къ романтизму?» Отсюда вытекало нетерпимое отношеніе Катенина къ «чертовщинѣ» Жуковскаго, хотя въ молодыхъ годахъ онъ самъ былъ подъ ея вліяніемъ; отсюда же отращеніе къ романтизму 30-хъ годовъ Марлинскаго, Полевого, Кукольника и К^о.

Не сходясь съ нѣмецкими романтиками въ ихъ односторонней и пристрастной оцѣнкѣ средневѣковья, Катенинъ умѣлъ понимать и цѣнить перлы средневѣковой поэзіи: напр., испанскіе романсы о Сидѣ онъ ставилъ непосредственно за Гомеромъ, съ которымъ, какъ онъ выразился, «разъ навсегда никого и ничего сравнивать не должно». Романсы о Сидѣ, переведенные Гердеромъ, Катенинъ перевелъ на русскій языкъ. Эпосъ о Нибелунгахъ настолько привлекалъ его вниманіе, что въ 1843 г. онъ обращается съ просьбой къ Жуковскому перевести поэму стихами. Мы не говоримъ уже объ его увлеченіи Дантомъ, Аріостомъ, Тассомъ. Все это сильно говоритъ противъ общераспространеннаго о Катенинѣ мнѣнія, какъ о классикѣ-педантѣ; онъ былъ классикомъ, но скорѣе въ хорошемъ значеніи этого слова; его отнюдь нельзя ставить на одну доску съ такими лицами, какъ Мерзляковъ, Милоновъ, Лобановъ. Съ большою осторожностью нужно поэтому принимать показаніе Анненкова, будто «Катенинъ при всѣхъ называлъ книгу Шипкова: О старомъ и новомъ слогѣ— сво-

¹⁾ Лит. Газ. № 19, стр. 151.

имъ литературнымъ евангеліемъ» ¹⁾. Если бы Катенинъ дѣйствительно такъ уважалъ сочиненіе Шишкова, онъ захотѣлъ бы примкнуть къ «Бесѣдѣ», что было нетрудно сдѣлать классику съ такимъ виднымъ положеніемъ, или же, по крайней мѣрѣ, познакомиться съ авторомъ «Разсужденія»; между тѣмъ извѣстно, что къ Бесѣдѣ Катенинъ не принадлежалъ, а познакомился съ Шишковымъ въ 1832 г. ²⁾, послѣ того уже, какъ напечаталъ свои историко-литературные «Размышленія и разборы», въ которыхъ ни однимъ звукомъ не обмолвился о своемъ «литературномъ евангеліи». Позднѣе, въ 40-хъ годахъ, Катенинъ отзывался о Шишковѣ, какъ о человѣкѣ «пустомъ и полуобразованномъ» ³⁾. Скорѣе всего онъ могъ примкнуть къ тому литературному кружку, который группировался около Оленина; по крайней мѣрѣ, взгляды его совпадали съ направленіемъ этого кружка. Убѣжденіе Катенина въ томъ, что «старина наша отнюдь не романтическая», и пристрастіе его къ классицизму встрѣчали соотвѣтствіе въ стремленіи Оленина «сдѣлать русскую жизнь, новую и особенно древнюю, предметомъ поэтическаго творчества», такъ какъ «героическое, возвышающее душу присуще не одному классическому-греческому и римскому міру; оно должно быть извлечено изъ преданій русской древности и возведено искусствомъ въ классическій идеаль» ⁴⁾.

Была только одна область поэзіи, гдѣ Катенинъ являлся дѣйствительно упрямымъ, скучнымъ педантомъ: это—драма. Его разборъ «Бориса Годунова» и «Горя отъ ума» производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто Пушкинъ и Грибоедовъ въ его глазахъ своими произведеніями посягнули на что-то такое, что исключительно ему, Катенину, при-

¹⁾ Аяневковъ, А. С. Пушкинъ въ Александровск. эпоху. Стр. 112. Катенинъ говорилъ только, что послѣ выхода въ свѣтъ Разсужденія — „примѣтно отстали отъ сентиментальности и галлицизмовъ“. Эти слова почерпнуты нами изъ переписки Катенина съ Н. И. Бахтиннымъ; мы имѣли возможность познакомиться съ этимъ собраніемъ благодаря любезности его владѣльца Н. Н. Селифонтова, которому приносимъ глубокую благодарность. Къ сожалѣнію, мы ознакомились съ этими документами, когда текстъ настоящей статьи былъ уже набранъ, что дало возможность воспользоваться ими лишь въ самыхъ незначительныхъ разиѣрахъ.

²⁾ Въ письмѣ къ Пушкину 11 мая 1826 г. Катенинъ пишетъ: „Я съ нимъ (съ Шишковымъ) не знакомъ“. Ср. также Гротъ. Сочин. и переписка Плетнева, т. III, стр. 526—7.

³⁾ Историч. Вѣстникъ 1893, т. LIII, стр. 79.

⁴⁾ Л. Н. Майковъ, Біографія Ватюшкова, 51—52 стр

надлежитъ, въ чемъ онъ признаетъ себя непогрѣшимымъ судьей. Написавъ въ началѣ 30-хъ годовъ «Князю Милушу», «сочиненіе веселое», какъ онъ самъ его называетъ, восторгаясь «Онѣгинимъ» и «Графомъ Нулинымъ», онъ съ близорукимъ упорствомъ находилъ въ «Горѣ отъ ума» погрѣшности въ планѣ, находилъ, «что сцены связаны произвольно», что въ «Годуновѣ» плана никакого... все набросано... И это было, безъ сомнѣнія, самое слабое мѣсто во всей его литературной дѣятельности.

Объ этой дѣятельности Катенина, какъ поэта, мы считаемъ себя въ правѣ высказаться всего къ нѣсколькихъ словахъ. Начавъ съ слезливо-сентиментальныхъ переводовъ изъ Макферсона, Катенинъ, какъ и Жуковский, постепенно перешелъ, благодаря непосредственному знакомству съ нѣмецкой литературой, къ романтическимъ мотивамъ, при чемъ за нимъ должно остаться преимущество одного изъ первыхъ пионеровъ въ дѣлѣ усвоенія русской поэзіей національно-бытового стиля. Въ 1818 году это романтическое направленіе рѣзко сдвигается эллинистическимъ. За годъ передъ тѣмъ Катенинъ, въ сообществѣ съ Грибоѣдовымъ, съ которымъ онъ вообще находился въ очень тѣсныхъ отношеніяхъ, пишетъ комедію «Студентъ», на которую можно смотрѣть, какъ на вызовъ, брошенный Арзамасу. Вызовъ былъ принятъ, борьба продолжалась долго. Катенинъ долженъ былъ выйти изъ нея побѣжденнымъ даже въ томъ случаѣ, если бы его художественный талантъ былъ такъ же высокъ, какъ тверды и независимы были его литературные убѣжденія и вкусы. Но и побѣжденный, Катенинъ ясностью своихъ литературныхъ убѣжденій всегда вносилъ свою долю порядка въ общую, неперебродившую еще тогда смѣсь — иногда непродуманныхъ, часто противорѣчивыхъ и всегда неясныхъ литературныхъ мнѣній. Пушкинъ былъ правъ, когда еще въ 1826 г. писалъ Катенину: «Многіе много тебѣ обязаны».

III.

Чѣмъ же былъ ему обязанъ самъ Пушкинъ? Что влекло этого юнаго члена Арзамаса и Зеленой лампы къ Катенину? Въ стихотвореніяхъ Пушкина 1817—19 годовъ чувствуется тяжелая борьба молодого поэта съ самимъ собой. Въ немъ живутъ два человѣка: одинъ, почти еще ребенокъ, какъ будто охмелѣвшій отъ вина, свѣта, шумнаго веселья, въ какое онъ попалъ, и другой, годами старше,

усталый и неудовлетворенный этимъ шумомъ, сознающій «заблужденія измученной души» своей. Онъ чувствуетъ въ себѣ силы, но не сознаетъ ихъ; самолюбіе грызетъ и точитъ: хочется страстно услышать прямой, справедливый отзывъ о себѣ. И онъ идетъ къ человѣку незнакомому, по признанному поэту, слухи объ умѣ, образованіи и свободомыслии котораго родили въ немъ чувство, похожее на благоговѣніе; къ человѣку, всѣ симпатіи котораго—поэзія, театръ, блестящая военная служба—были давно ужъ и его мечтою; разница поэтическихъ вкусовъ не смущаетъ его: она можетъ только служить залогомъ болѣе строгой, горячей оцѣнки.

Въ 1818 году, какъ извѣстно, Пушкинъ приходитъ къ Катенину съ просьбой «побить, но выучить» и старается выпытать у него мнѣніе о себѣ; на просьбы хозяина прочесть какое-нибудь изъ новыхъ своихъ произведеній отвѣчаетъ отказомъ: «показать ихъ знающему стыдно: они не при немъ писаны» ¹⁾), т. е. другими словами: они писаны не въ томъ кругу и не для того круга, въ которомъ вращается Катенинъ. Если принять во вниманіе, что къ кругу, о которомъ упоминаетъ Пушкинъ, принадлежали Карамзинъ, Жуковский, Тургеневъ, Вяземскій, мнѣнія которыхъ онъ никогда не представлялъ уважать, то отвѣтъ его становится для насъ подозрительнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, прямой и откровенный Катенинъ замѣтилъ въ Пушкинѣ въ эту пору «осторожность въ обхожденіи съ людьми, мнѣніе которыхъ уважалъ, ловкій обходъ спорныхъ вопросовъ, если они поставлялись слишкомъ рѣшительно» ²⁾). Это тѣмъ любопытнѣе, что кружокъ Арзамаса представлялъ изъ себя нѣчто одностороннее, нетерпимое ³⁾). Литературная вражда съ «Бесѣдой» переходила тамъ на почву личныхъ непріязненныхъ отношеній. Такая участь постигла напр., Шаховского: его обвинили въ недостойномъ отношеніи къ Озерову; лишенную достовѣрнаго основанія догадку не замедлили признать фактомъ, Арзамасъ ополчился эпитафией, и Пушкинъ

¹⁾ Анненковъ, Матеріалы, стр. 41.

²⁾ Эти свѣдѣнія Анненковъ (Матеріалы, 51 стр.) почерпнулъ изъ собственно ручной записки Катенина о Пушкинѣ, находившейся у Анненкова. Какова судьба этой записки—неизвѣстно; недавно бумаги покойнаго Анненкова разбирались; среди нихъ ея не оказалось.

³⁾ „Ваша братья хоть и либералы, тѣмъ не менѣе весьма нетерпимы“ — пишетъ около того времени Е. А. Карамзина вв. Вяземскому.

пошелъ вслѣдъ за другими. Но когда Катенинъ съезъ его лично къ Шаховскому, отношеніе его къ послѣднему поремѣнилось: не признавая въ немъ попрежнему большого таланта, Пушкинъ съ тѣхъ поръ относился къ нему дружественно, называлъ его «добрымъ малымъ».

Новыя знакомства широко открывали передъ Пушкинымъ двери театра. Какъ новый «почетный гражданинъ кулисъ», онъ познакомился съ молодой, только что дебютировавшей артисткой Колосовой и не могъ не оцѣнить ея таланта, хотя, въ качествѣ члена Зеленой Лампы, былъ до того времени присяжнымъ поклонникомъ ея славной соперницы—Семеновѣй. Тутъ ему пришлось вскорѣ вторично испытать на себѣ благотворное вліяніе Катенина. Пушкину передали, будто бы Колосова назвала его «un sarajou»; самолюбивый поэтъ зло отомстилъ ни въ чемъ не повинной артисткѣ эпиграммой. Катенинъ съ Грибоѣдовымъ указывали ему на всю опрометчивость его поступка, заставляли его извиниться передъ Колосовой; Пушкинъ отвѣтилъ покаяннымъ стихотвореніемъ: «Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ...» ¹⁾

Таковы два факта, засвидѣтельствованные современниками; несомнѣнно, что свѣтская, широкая жизнь представляла ихъ на каждомъ шагѣ. Но уже и по этимъ двумъ образцамъ видно, въ какомъ направленіи шло личное вліяніе Катенина на Пушкина ²⁾, какъ сглаживались неровности пылкаго, нетерпимаго юношескаго характера.

Н. С. Тихонравовъ усматриваетъ частный фактъ этого вліянія, между прочимъ, въ (писавшейся около 1818 года) IV пѣснѣ «Руслана и Людмилы», гдѣ Пушкинъ помѣщаетъ пародію на «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» Жуковского съ слѣдующими словами:

Прости мнѣ, сѣверный Орфей,
Что въ повѣсти моей забавой
Теперь вослѣдъ тебѣ лечу
И лиру музы своенравной
Во *аж*и предесгнои облачу.

---

¹⁾ Изъ воспоминаній А. М. Каратыгиной (Колосовой). Рус. Старина, 1880 г., т. 28, стр. 565—574.

²⁾ Современники говорятъ, что даже въ манерахъ между обоими поэтами было много сходнаго. См. „Матеріалы“ П. И. Бартечева Московскія Вѣдом. 1855 г. № 145.

Припомнимъ, что это печатно готорить въ 1820 году, т. е. когда еще не были забыты преданія Липецкаго потопа, юный арзамасецъ объ арзамасцѣ, добившемся тогда званія перваго поэта ¹⁾).

Въ кружкѣ Шаховскаго, куда Пушкинъ вступилъ въ концѣ 1818 года, онъ занялъ второстепенное положеніе. Большинство членовъ этого кружка были уже люди съ большимъ или меньшимъ вѣсомъ и положеніемъ: самъ Шаховской, Лобановъ, Кокоскинъ, Хмельницкій, Я. Толстой, Катенинъ, многіе выдающіеся артисты, и среди нихъ—Пушкинъ, всего годъ, какъ сошедшій съ лицейской скамьи. Грибоѣдовъ съ Катенинымъ «ласкали талантливаго юношу, но относились къ нему, какъ старшіе къ младшему: онъ дорожилъ ихъ мнѣніемъ и какъ бы гордился ихъ пріязнью... Въ ихъ кругу онъ почти не имѣлъ голоса. Изрѣдка... будущій геній смѣшилъ ихъ остроумной шуткой, экспромптомъ или справедливымъ замѣчаніемъ» ²⁾ Но уже и тогда Катенинъ признавалъ въ молодомъ поэтѣ недюжинный сатирическій талантъ и называлъ Пушкина «le jeune M-r Arouet» (à rouer), и новоявленный Вольтеръ, польщенный, отъ души смѣялся этому каламбуру.

Только позднѣе онъ началъ критически относиться къ своему покровителю. Въ письмѣ своемъ къ Вяземскому (1820 г. мартъ) онъ уже не обинуясь, говоритъ, что Катенинъ «опоздалъ родиться и своимъ характеромъ и образомъ мыслей весь принадлежитъ XVIII столѣтію». Правда, въ этомъ отзывѣ несомнѣнное вліяніе имѣла личность кн. Вяземскаго, повидимому, сильно не жаловавшаго Катенина ³⁾, между тѣмъ какъ Пушкинъ преклонялся въ то время передъ сатирическимъ геніемъ своего друга и отзывъ о Катенинѣ написалъ, какъ намъ думается, отчасти и въ угоду Вяземскому: «Катенинъ, кажется, боится твоей сатирической палицы»—прибавляетъ

---

¹⁾ Соч. Тихонравова, т. III, ч. I, стр. 479.

²⁾ Восп. Каратыгиной, Ibid.

³⁾ Повидимому, къ Катенину относятся слѣдующіе стихи Вяземскаго въ посланіи его къ Дмитріеву:

... Что несноснѣе тѣхъ умниковъ спесивыхъ,
Нелѣпнѣе знатоковъ, судей многорѣчивыхъ,
Которыхъ всѣ права: надменность, дрянность, шумъ!..

Соч. Вяземскаго, т. III, 295 стр.

онъ тутъ же; кромѣ того надо приписать долю вліянія извѣстной тенденціи Арзамаса отождествлять нравственныя и чисто-литературныя черты лицъ, а главную роль здѣсь игралъ, безспорно, строй складывавшихся литературныхъ убѣжденій Пушкина, потому что въ 1825 г. онъ писалъ Катенину: «Наша связь основана не на одинаковомъ образѣ мыслей, а на любви къ одинаковымъ занятіямъ». Это признаніе любопытно. Его нельзя обойти молчаніемъ, тѣмъ болѣе, что позднѣе, въ 1826 г., Пушкинъ писалъ снова Катенину: «Ты отучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть нагуба мысли».

Заслуга Катенина передъ лицомъ исторіи русской литературы состоитъ, прежде всего, въ томъ, что онъ расширилъ литературный кругозоръ молодого Пушкина въ сторону французскаго классицизма. Въ библиотекѣ Серг. Львов. Пушкина сочиненія Расина, Корнеля и и др. классиковъ, конечно, были, и, предоставленный самому себѣ, мальчикъ проглотилъ ихъ еще до лица; но можно ли принимать въ расчетъ такое чтеніе при опредѣленіи вліянія французской поэзіи XVIII вѣка на Пушкина? Въ лицейскія времена его занимали другія темы; хотя въ реестрѣ своей библиотеки (стих. «Городокъ» 1814 года) онъ упоминаетъ Расина и Мольера, но на первомъ планѣ стояли нѣкакъ не они, а Вольтеръ и писатели эротическаго пошиба—Вержье, Парни, Грекуръ, равно какъ «сочиненія, презрѣвшія печать»; въ лицейскихъ запискахъ его нѣтъ никакихъ упоминаній о французскихъ трагикахъ. Затѣмъ, съ осени 1820 г., Байронъ становится его настольной книгой, а въ 1822 г. въ письмѣ къ Катенину онъ уже пишетъ: «Сидъ кажется мнѣ лучшею его (Корнеля) трагедіею». Слѣд. Корнель прочитанъ уже внимательно весь. Это ознакомленіе приходится отнести къ періоду 1817—20 гг., и нѣтъ сомнѣнія, что это именно Катенинъ, какъ страстный поклонникъ и знатокъ французской трагедіи, воодушевилъ Пушкина къ ея изученію, а для арзамасца такое изученіе могло легко прослыть сближеніемъ съ «Бесѣдой».

Во-вторыхъ, Катенинъ пристрастилъ Пушкина къ театру, къ драматической техникѣ вообще. Въ 1821 г. Пушкинъ впервые набрасываетъ отрывокъ изъ комедіи въ стихахъ, программу комедіи ¹⁾),

¹⁾ Катенинъ около того времени переводилъ стихами комедію Грессе „Le méchant“. Впрочемъ, Пушкинъ пишетъ ему въ 1822 г.: „Я не читалъ твоей комедіи“.

въ 1822 г. задумываетъ одну за другой двѣ драмы (одну изъ русской старины—изъ временъ правленія царицы Софьи). Интересъ его къ драматической техникѣ въ это время такъ великъ, что, оторванный отъ театра, занесенный въ Одессу, гдѣ тогда существовала только оперная сцена, Пушкинъ въ Михайловскомъ рѣшается приняться за трагедію. Съ воспоминаніями о петербургскомъ театрѣ для него въ это время связано имя Катенина; онъ вспоминаетъ это имя и черезъ 8 лѣтъ въ своихъ замѣткахъ «о драмѣ», гдѣ, набрасывая исторію русской трагедіи, онъ останавливается на трехъ именахъ: Сумароковъ, Озеровъ и Катенинъ. О драматическихъ произведеніяхъ послѣдняго онъ отзывался въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ. Наконецъ, Катенинъ былъ, кажется, единственнымъ серьезнымъ театраломъ изъ людей, близкихъ къ Пушкину въ ту эпоху (1817—1820).

Намъ кажется, отсюда можно вывести безъ особенной натяжки заключеніе, что Катенинъ, какъ драматургъ и главнымъ образомъ какъ теоретикъ, произвелъ на Пушкина впечатлѣніе, сохраненное имъ на всю жизнь, даже тогда, когда роли ихъ перемѣнились, и центромъ взаимныхъ отношеній сдѣлалась уже не личность Катенина, а гений Пушкина. Въ письмахъ къ Катенину Пушкинъ нерѣдко преувеличивалъ то уваженіе, которое могъ питать къ своему собрату. Самолюбію Катенина это, однако, льстило. «Какой авторъ не любитъ похвалы?»—пишетъ онъ Пушкину;—«кому онъ не вдвое лестны покажутся изъ устъ твоихъ? Но это голосъ Сирены». И въ этомъ Катенинъ былъ, повидимому, правъ; по крайней мѣрѣ, позднѣйшая переписка обоихъ поэтовъ производитъ впечатлѣніе очень любезнаго, предупредительнаго, но не совсѣмъ искренняго (со стороны Пушкина) обмѣна комплиментовъ. Трудно допустить, чтобы Пушкинъ серьезно называлъ Катенина «Эсхиломъ», признавалъ въ немъ «прекрасный поэтический талантъ», воскресившій «Корнеля гений величавый», считалъ тяжелой и вялой его «Андромаху» за «можетъ быть, лучшее произведеніе нашей драмы по силѣ истинныхъ чувствъ, по духу истинно трагическому»; трудно допустить, чтобы Пушкинъ былъ искрененъ, когда писалъ Катенину: «Душа проситъ твоихъ стиховъ»... «Твой успѣхъ не можетъ быть для меня чуждымъ». «Ты сдѣлаешь переворотъ въ нашей словесности, и никто болѣе тебя того не достоинъ». «Кому же, какъ не тебѣ, забрать въ руки общее мнѣніе и дать нашей словесности новое, истинное направленіе».

Всѣ эти восторженные отзывы, встрѣчающіеся въ письмахъ, адресованныхъ Пушкинымъ къ Катенину, въ письмахъ его къ другимъ лицамъ не только не повторяются, но смѣняются иногда заявленіемъ, что Катенинъ опоздалъ родиться, иногда просьбой «стравить» его съ Бестужевымъ. Пушкинъ вообще былъ довольно быстръ на самые лестные отзывы лицамъ, которыя ихъ или вовсе не заслуживали, или заслуживали мало ¹⁾). Съ высоты своего поэтического величія онъ смотрѣлъ на своихъ собратій очень снисходительно и не скупился на похвалы.

Легче всего предположить, что на самомъ дѣлѣ онъ, можетъ быть, даже подсмѣивался надъ Катенинымъ, какъ поэтомъ, и прощалъ ему слабости его, какъ человѣка, ради уваженія, которое питалъ къ нему, какъ критику,—къ его стойкимъ убѣжденіямъ и знаніямъ! Выпуская въ свѣтъ «Бориса Годунова» въ сильнѣйшей тревогѣ за успѣхъ своего взлелѣяннаго дѣтища, Пушкинъ изъ всѣхъ критиковъ полагался на мнѣніе одного Катенина: «Любопытно будетъ видѣть»—писалъ онъ Плетневу—«отзывъ нашихъ Шлегелей, изъ коихъ одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло». Въ немъ же Пушкинъ видѣлъ дѣятельнаго сотрудника для своего *критическаго* журнала, задуманнаго еще въ 1826 году. «Жаль, что съ Катенинымъ ты никакъ не ладишь» обращается онъ къ Вяземскому: «а для журнала онъ находка».

Для своего времени критическіе приемы Катенина были, дѣйствительно, находкой. Уже помимо того, что онъ за правило себѣ поставилъ говорить о предметѣ, только хорошо знакомомъ, и что онъ, какъ «судія благоразумный», старался «постигнуть часто сокровенныя мысли и чувства поэта, войти въ него, его глазами все осмотрѣть, и послѣ уже, повѣряя сіи личныя понятія и побужденія

¹⁾ Наприм. письмо къ Погдину (№ 256),—гдѣ его „Мареа“ приравнивается къ Шекспировскимъ вещамъ.—Генералу Ушакову (№ 462): „Вы мнѣ даровали безсмертіе одною чертою Вашего пера“.—Брату Льву о Плетневѣ: „... Онъ (слогъ Плетнева) не имѣетъ никакого чувства, никакой живости; слогъ его блѣденъ, такъ мертвецъ. Клянись ему отъ меня и увѣрь его, что онъ нашъ Гете“. Черезъ нѣсколько дней самому Плетневу (№ 33): „Собирался отвѣчать тебѣ стихами, достойнымъ твоихъ, но отложилъ попеченіе. Твоя гармонія, поэтическая точность, благородство выраженій, стройность, чистота въ отдѣлкѣ пѣвняють меня“. И дальше: „Извини мое чистосердечіе“.

Ср. также письма №№ 103, 114, 414, 451.

съ неизмѣнными правилами природы и здраваго смысла, осмѣливался надъ ними свое сужденіе произнести» ¹⁾), не говоря уже объ этихъ почтенныхъ приѣмахъ литературной критики, необходимо отмѣтить, что еще въ 1822 г. Катенинъ явился русскимъ пропагандистомъ того критическаго принципа, который получилъ право гражданства позднѣе, во Франціи, въ школѣ Сентъ-Бѣва: въ письмѣ къ Гречу ²⁾ по поводу его «Опыта краткой исторіи русской литературы» онъ писалъ: «Если бъ по примѣру Женгене и Сисмонди вы показывали тѣсную связь жизни автора съ его твореніями, это было бы весьма любопытно».

IV.

Остается досказать факты изъ біографіи Катенина. Служба его въ Преображенскомъ полку была довольно счастлива: въ 1820 г.— онъ былъ произведенъ въ полковники ³⁾ и назначенъ командиромъ 1-го батальона Преображенскаго полка. Этотъ батальонъ занималъ привилегированное положеніе сравнительно съ другими: онъ помѣщался въ казармахъ на Милліонной, при чемъ казармы эти посредствомъ двухъ крытыхъ стеклянныхъ галлерей соединялись черезъ Эрмитажъ съ Зимнимъ дворцомъ, и Императоръ Александръ приходилъ туда каждое утро ⁴⁾. Блестящая карьера, ожидавшая молодого полковника, прервалась, какъ мы видѣли, въ 1820 г., а въ 1822 его постигла высылка ⁵⁾. 5 декабря этого года, еле успѣвъ привести дѣла въ порядокъ и захвативъ съ собой свою бібліотеку, Катенинъ выѣхалъ въ Костромскую губ., въ свое родовое имѣнье.

Театръ и общество, эстетическое наслажденіе и живой обмѣнъ мыслей—все было у него отнято. Въ Москву онъ не поѣхалъ, потому что у него не было тамъ никого знакомаго, да и самолюбіе

¹⁾ Лит. Газ. 1830 г., № 20, стр. 159.

²⁾ Сынъ Отечества, 1822 г., ч. 76, стр. 255.

³⁾ Въ 1816 г. получилъ чинъ штабсъ-капитана, въ 1818—капитана.

⁴⁾ Въ маѣ 1816 г. послѣ представленія у вдовств. императрицы въ присутствіи Государя, „Эсеири“, шедшей въ переводѣ Катенина, переводчикъ „былъ удостоенъ приглашенія на ужинъ Царской Фамиліи и драгоцѣннаго подарка“ См. Рус. Стар. 1880 г., № 10, стр. 268. „Катенинъ—Царскій постельничій“—пишетъ, вѣроятно по этому поводу, Воейковъ въ своемъ „Парнасскомъ“ адресъ-календарѣ.

⁵⁾ Объ этомъ у Каратыгина, Арапова, Пѣтухова, Ярцева (Московск. Вѣдом. 1892 г., № 343).

его скорѣе готово было удовлетвориться ролью опальнаго изгнанника, чѣмъ высланнаго изъ столицы за недостойное поведеніе. Самъ себя виноватымъ онъ считать, конечно, не могъ, и это сознаніе правоты вмѣстѣ съ неизвѣстностью будущаго раздражали и усиливали тяжелый гнетъ деревенской жизни. «На бѣломъ свѣтѣ все такъ хорошо устроено»—писалъ онъ съ горькой ироніей въ 1823 г.—«дружба такъ горяча, справедливость такъ быстра, что я успѣю сгнить въ Кологривѣ прежде, нежели кто-нибудь вздумаетъ мнѣ помочь; и чѣмъ я правѣе, тѣмъ хуже для меня: нѣтъ вины, стало и прощать нечего, а сознаться самимъ въ ошибкѣ или несправедливости—это слыветь не по чину»¹⁾. Изрѣдка заѣзжалъ къ нему въ деревню кто-нибудь изъ товарищей или самъ онъ отправлялся на нѣкоторое время то въ Чухлому, то въ Ростовъ или Кострому, но большею частью жилъ безвѣздно въ своей деревнѣ. «Живу я въ лѣсу, въ дичи, въ глуши, въ одиночествѣ» писалъ онъ: «иного общества у меня нѣтъ, кромѣ книгъ. Скука одолеваетъ меня въ моей кельѣ; я теряю аппетитъ, желудокъ плохъ и вообще здоровье не ладно». Къ этому присоединились матеріальныя невзгоды, тяжба, которую пришлось затѣять; изъ Петербурга приходили къ нему извѣстія о литературной интригѣ противъ него—все это отнимало у него энергію и желаніе дальнѣйшей работы. Онъ рѣшилъ, что «стихоплетъ, если онъ благоразуменъ, долженъ прекратить свою работу, коль скоро не можетъ ни побѣдить вкуса и идей своихъ читателей, ни сообразоваться съ ними; чѣмъ болѣе онъ сталъ бы писать, тѣмъ болѣе навлекъ бы на себя враговъ и гонителей». «Carmina nulla sanant».

Надежды на возвращеніе съ каждымъ днемъ становилось меньше: Въ началѣ 1825 г. Катенинъ содрогнулся при мысли объ этомъ инквизиціонномъ духѣ, объ этой желтухѣ, которая заставляетъ предубѣжденными глазами видѣть все въ желчномъ свѣтѣ и находить революціонныя правила во всѣхъ поступкахъ порядочныхъ людей». Дѣйствовать же самому, ходатайствовать о прощеніи Катенинъ не хотѣлъ.

Въ октябрѣ 1824 Государь изъ своей поѣздки возвращался въ Петербургъ черезъ Вятку и Кологривъ и проѣзжалъ по его имѣнью. Катенинъ въ это время былъ въ Ростовѣ. Государь, дѣйствительно

¹⁾ „Рус. Старина“, 1893 г., № 3, 8-ое письмо къ Колосовой.

забъжалъ въ его деревню и спрашивалъ хозяйна. Петербургскіе друзья поэта, Грибоѣдовъ и Каратыгинъ, начали его уговаривать обратиться къ Государю съ просьбой о возвращеніи. Онъ поддался ихъ увѣщаніямъ. 19 марта 1825 г. прошеніе было отправлено, а въ концѣ мая получено Высочайшее разрѣшеніе на вѣздъ въ столицу.

Катенинъ сразу переродился. Забывъ свое рѣшеніе бросить поэтическое поприще, онъ тотчасъ началъ мечтать о томъ, чтобы нанести ударъ «затемнѣнію понятій новыхъ трагиковъ, ихъ невѣжеству насчетъ греческаго театра и порчѣ вкуса». Такія надежды онъ возлагалъ на «Андромаху», любимое свое произведеніе, задуманное еще въ 1809 г. и съ перерывами законченное въ 1818 г.: сюда онъ вложилъ весь свой сценическій опытъ, всю свою любовь къ театру. Но и при всемъ томъ, пьеса эта—не больше, какая холодная, но строго-отчетливая копія съ французскихъ образцовъ. Публика и дирекція это чувствовали. Вопросъ о постановкѣ «Андромахи» на сцену поднимался нѣсколько разъ; въ 1827 г. постановка опять затягивалась, вслѣдствіе неблагопріятнаго отзыва Семеновой, представленнаго ею въ театральнѣй комитетъ (новый театральнѣй уставъ 1827 г. значительно стѣснялъ авторовъ въ принятіи ихъ пьесъ на сцену). Всѣ эти проволочки и непріятности такъ повліяли на Катенина, что онъ рѣшился снова уѣхать въ деревню. «Утѣшаюсь мыслью»—писалъ онъ,—«что какъ бы ни приняли «Андромаху», разница будетъ для меня въ томъ только, что я съ большимъ или меньшимъ отвращеніемъ сойду съ поприща, на которое никому пускаться не желаю». «Андромаха» успѣха не имѣла, и оскорбленный авторъ покинулъ Петербургъ.

Онъ возвратился въ него только въ 1832 г.; но разладъ его съ обществомъ къ тому времени не только не прекратился, но сталъ замѣтно рѣзче. Въ концѣ этого года вышли въ свѣтъ сочиненія его въ отдѣльномъ изданіи; критика откликнулась нѣсколькими отзывами, изъ которыхъ статья «Московскаго Телеграфа» представляетъ наибольшій интересъ. Полевой доказывалъ, что онъ не принадлежитъ «ни къ одной изъ тѣхъ партій, которыя развѣвали знамена за мнѣнія г. Катенина», что всѣ эти партіи «совершили свое дѣло и уже остаются только въ исторіи литературы», что «нынѣшнее направленіе словесности гораздо обширнѣе и объемлющѣе прежнихъ»; касаясь лично Катенина, Полевой говорилъ, что «онъ нѣсколько не

владѣть ни стихомъ, ни языкомъ», что при всѣхъ своихъ «лѣпшихъ и предметахъ простонародныхъ» онъ вовсе не оригиналенъ въ своей поэзіи, такъ какъ «оригинальность заключается не въ самихъ предметахъ, а во взглядѣ, въ душѣ того, кто описываетъ ихъ»; что поэзія не наука, что недостаточно понимать сущность ея, чтобы быть поэтомъ, а надо имѣть прирожденный талантъ; что, наконецъ, журналъ—не складочное мѣсто всевозможныхъ мнѣній, какъ принято было прежде думать, какъ думаетъ и Катенинъ, а—«выраженіе извѣстнаго рода мнѣній въ литературѣ» ¹⁾ и т. п.

Всѣ эти истины, которыя съ такимъ жаромъ развивалъ Полевой въ настоящее время кажутся общими мѣстами, но можно себѣ представить, какое впечатлѣніе производили онѣ въ 30-хъ годахъ на поклонниковъ Ломоносова и Державина! Катенинъ объяснял это отрицательное отношеніе критики 30-хъ годовъ къ себѣ личной враждой, какъ и прежде онъ склоненъ былъ объяснять ею свой неуспѣхъ на поэтической дорогѣ. Но такъ или иначе, онъ не могъ не замѣтить, что между нимъ и молодымъ поколѣніемъ легла цѣлая бездна, черезъ которую нельзя было ни перейти, ни подать другъ другу руки; да онъ и не имѣлъ никакого желанія это дѣлать: онъ считалъ себя правымъ и оскорбленнымъ. За себя онъ видѣлъ двухъ—трехъ товарищей; противъ себя—«наводненіе дурного вкуса, романтизмъ, педантизмъ, невѣжество и шайки». «Однажды навсегда жребій мой брошенъ—писалъ онъ 23-го декабря 1829 г. Бахтину:— по грѣхамъ моимъ я литераторъ; службу я оставилъ, кажется, навсегда; богатства у меня едва достаетъ, чтобы съ горемъ, скукой и нуждой жить; семейства я не имѣю, стало, живѣйшія мои желанія и чувства обращены на одинъ предметъ, на обрѣтеніе нѣкотораго уваженія и похвалы, какъ писатель, при жизни и по смерти. Всѣ непріятности, испытанныя мною по сей части, не отвалили, а развѣ болѣе поощрили всей силой бороться, и рано ли, поздно ли, побѣдить или лечь на полѣ сраженія».

Въ 1834 г. онъ въ послѣдній разъ выступилъ въ литературѣ съ небольшою сказкой («Княжна Милуша»), сильно напоминающей «Руслана и Людмилу» какъ по общей композиціи, такъ особенно по

---

¹⁾ „Москов. Телеграфъ“, 1833 г.: апрѣль, стр. 562—72 и июнь, стр. 594—611.

тому не-русскому, quasi—народному духу, проникающему оба эти произведения. Публика, прочитавшая уже «Вечера на хуторѣ», видѣвшая расцвѣтъ Пушкинскаго гения, не накинулась на «Милушу», не нашла въ ней «народной струи», какъ находила это прежде въ стихахъ Катенина, а критика прямо указывала на слѣды «особеннаго знакомства съ итальянскою поэзіей» ¹⁾.

Разрывъ Катенина съ обществомъ и текущей литературой выразился, между прочимъ, и въ вступленіи его въ число членовъ Россійской Академіи. Учрежденіе это въ 30-хъ годахъ носило въ себѣ всѣ признаки разложенія: не было никакихъ связей между академіей и литературой.

Но и въ этой, повидимому, благопріятной для него средѣ, Катенинъ не сумѣлъ ужиться ²⁾. Въ 1834 г. онъ бросился на Кавказъ, въ дѣйствующую армію; и здѣсь пробылъ не долго; въ 1838 г. онъ подалъ въ отставку (опять по непріятности) и уже окончательно поселился въ своей деревнѣ.

Одно было для него несомнѣнно: что прошли его времена, его блестящая молодость, поэтическая карьера, что со всѣхъ сторонъ надвигается что-то странное, чуждое, непріятное, и что самъ онъ «среди новыхъ поколѣній докучный гость, и лишній, и чужой». Жизнь, давшая ему столько богатствъ, сколько рѣдко выпадаетъ на долю одного человѣка, не позаботилась объ одномъ — дать ему и средства воспользоваться этими богатствами, она не поглотила его нравственной природы, не отвѣтила на его нравственные запросы. Въ будущемъ для него не было цѣли, въ настоящемъ смысла. Та двойственность природы, которая была замѣтна въ немъ и раньше, превращалась постепенно въ страшную раздвоенность міросозерцанія: «Становлюсь скептикъ и фаталистъ вкупѣ» — пишетъ онъ Пушкину въ 1835 г.: «сомнѣваюсь во всемъ, кромѣ непонятной силы, увлекающей всѣхъ и cadaго, вопреки собственному желанію, безразсудно, слѣпо и неодолимо». Характеръ его становился все тяжелѣе, онъ не выносилъ противорѣчій, сдѣлался желченъ, нервнъ, раздражителенъ. Скоро ему трудно стало поддерживать свое суще-

¹⁾ „Молва“, 1834, ч. XX, № 14, стр. 219.

²⁾ См. Сухомлиновъ, „Исторія Росс. Академіи: т. VII, 89—91; VIII, 345—6.

ствование безъ возбуждающихъ средствъ. Постепенно онъ опускался все ниже и ниже.

Пятнадцать лѣтъ безвыѣздно прожилъ онъ еще въ деревнѣ. Иногда онъ обращался къ своимъ любимымъ поэтамъ, къ своей музѣ. Онъ продолжалъ воспѣвать какой-нибудь «стенающій Понтъ, громами оглушенный» и т. п., когда ѣдкій Гоголевскій смѣхъ давнымъ давно прогналъ уже всякіе грома со сцены русской литературы; онъ продолжалъ видѣть въ Гоголѣ одно площадное холопство и молиться на своихъ классическихъ кумировъ— Корнеля и Расина, когда, благодаря именно Гоголевскому смѣху, все, что было молодо, въ комъ горячо билось человѣческое сердце, шло на борьбу съ властью тьмы—съ своими лучшими силами. Катенинъ не былъ въ ихъ числѣ, но не по недостатку человѣческаго сочувствія. Еще въ 1828 г. онъ умѣлъ забывать свои помѣщичьи интересы ради положенія *своихъ* крестьянъ. Онъ писалъ въ письмѣ Бахтину: «Чѣмъ долѣе живу въ отдаленной нашей сторонѣ, тѣмъ сильнѣе удостоверяюсь, что здѣсь то именно трудъ и есть, котораго уже плоды красуются на вѣтвяхъ и забываютъ о бѣдныхъ корняхъ, роющихъ землю въ темнотѣ. Сельская тишина, миръ полей—пустыя, бессмысленныя слова столичныхъ богатыхъ жителей, не имѣющихъ никакого понятія о томъ, какъ трудно хлѣбъ сѣять, платить подати, ставить рекрутъ и какъ нибудь жить». Казалось бы, далеко ли отсюда до симпатіи къ тому же Гоголю, къ гуманнымъ чувствамъ «натуральной» школы? А между тѣмъ это было только сочувствіе личное, дѣло совѣсти, гдѣ между нимъ и Богомъ нѣтъ и не можетъ быть посредниковъ. До крестьянъ чужихъ, до крестьянъ, какъ цѣлаго класса, ему, конечно, не было никакого дѣла. Это было полное отсутствіе *общественнаго* сознанія. Онъ принадлежалъ прошлому. Въ его лицѣ умирала цѣлая *литературная* эпоха, умирала поэзія, которая была для него дѣломъ кабинета и кружка товарищей-единомышленниковъ, которая не касалась обыденныхъ мелочей повседневной жизни, не хотѣла удовлетворять служебнымъ цѣлямъ. Для Катенина, какъ и для Пушкина, только та жизнь получила бы полноту нравственнаго смысла, которая была бы исключительно создана «для звуковъ сладкихъ и молитвъ», для эстетическаго наслажденія обособленной, самодовлѣющей личности. Катенинъ любилъ представлять себѣ геній трагика творящимъ «безо

всѣхъ постороннихъ пособій, въ мірѣ отдѣльномъ отъ окружающихъ его»¹⁾.

Мудрено ли, что когда кружокъ молодыхъ, еще «не признанныхъ» литераторовъ сталъ заявлять, что *такая* поэзія не исчерпываетъ всей глубины человѣческаго предназначенія, а нуждается въ твердыхъ гражданскихъ основаніяхъ; когда ему стали заявлять, что «поэтомъ можешь ты не быть, а гражданиномъ быть обязанъ»,—онъ почувствовалъ себя совершенно чужимъ въ такой обстановкѣ и до послѣднихъ дней сохранилъ непріязненное чувство къ новому движенію. Въ этомъ упорствѣ сошедшаго съ жизненной сцены старика, кромѣ узкой нетерпимости, есть что-то и благородное, возвышающее душу стойкою преданностью тому, что разъ и навсегда было признано символомъ поэтической вѣры. Онъ дѣйствительно имѣлъ право завѣщать для своей могилы имъ же самимъ сочиненную надпись:

Павель, сынъ Александровъ,
Изъ роду Катениныхъ,
Честно отжилъ свой вѣкъ,
Служилъ отечеству *вѣрой и правдой*,
Въ Кульмѣ бился на смерть,
Но судьба его пощадила.
Зла не творилъ никому
И менѣ добра, чѣмъ хотѣлось²⁾.

Эта надпись, гдѣ такъ удивительно смѣшалась полу-дѣтская наивность съ униженіемъ паче гордости,—развѣ она не дышитъ ожившей стариной до-реформенной, Александровской Россіи? Если можно такъ выразиться, Катенинъ былъ яркимъ, но холоднымъ лучемъ именно этой Александровской культуры, однимъ изъ тѣхъ лучей, которые, какъ въ фокусѣ, собрались и отразились въ нашемъ неугасномъ свѣточѣ—въ Пушкинѣ. А потомъ онъ уже не доработался ни до какого примиренія съ новымъ порядкомъ вещей, не прибавилъ ни одной новой, смягчающей черты къ своему первоначальному суровому, литературному облику.

В. Миллеръ.

¹⁾ „Лит. Газ.“, 1830 г., № 72, стр. 292.

²⁾ Эта надпись сообщена намъ родственникомъ Катенина А. А. Катенинымъ, которому приносимъ свою глубокую благодарность за сообщеніе нѣкоторыхъ фамильныхъ документовъ.

ПУШКИНСКІЙ СБОРНИКЪ.

Статьи студентовъ Императорскаго Московскаго
Университета

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Проф. А. И. Кирпичникова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульварь.
1900.